

мои удовольствия и горести. Что до любви... о ней мы будем говорить в наших стихах» (456).

Это подробное изложение было заменено в печатном тексте «Писем» кратким резюме путешествия в целом:

«Берег! отечество! благословляю вас! я в России, и через несколько дней буду с вами, друзья мои!.. Всех останавливаю, спрашиваю единственно для того, чтобы говорить по-русски и слышать Русских людей. Вы знаете, что трудно найти город хуже Кронштата; но мне он мил! Здешний трактир можно назвать гостинницею нищих; но мне в нем весело!

С каким удовольствием перебираю свои сокровища: записки, счета, книги, камешки, сухая травка и ветки, напоминающая мне или сокрытие Роны, la perte du Rhone, или могилу отца Лоренца, или густую иву, под которою Англичанин Поп сочинял лучшие стихи свои! Согласитесь, что все на свете Крезы бедны передо мною!

Перечитываю теперь некоторые из своих писем: вот зеркало души моей в течение осьмнадцати месяцев! Оно через 20 лет (если столько проживу на свете) будет для меня приятно — пусть для меня одного! Загляну и увижу, каков я был, как думал и мечтал; а что человеку (между нами будь сказано) занимательнее самого себя?.. По чему знать! может быть, и другие найдут нечто приятное в моих эскизах; может быть, и другие... но это их, а не мое дело.

А вы, любезные, скорее приготовьте мне опрятную хижинку, в которой я мог бы на свободе веселиться *Китайскими тенями* моего воображения, грустить с моим сердцем и утешаться с друзьями» (388).

Поскольку публикация отрывков из «Писем» в «Аглае» не вызвала начальственного неудовольствия, Карамзин, надеясь на некоторую либерализацию в начале павловского царствования, рассчитывал издать 4 тома «Писем русского путешественника». («Выйдут через месяц», — как он писал об этом Дмитриеву 6 ноября 1769 г.).²³

Некоторое представление о содержании этого предполагаемого к изданию проекта и о последовательности самого путешествия дает статья в «Зрителе». Привожу автоцитату, которая отражает недошедший до нас текст тех писем, в которых Карамзин писал с полной откровенностью о сравнительном ходе прогресса в России и во Франции:

«„История Парижа, — говорит он в заключение, — это история Франции и история цивилизации”. Бегло набрасывает он историю Парижа, стараясь, однако, схватить все характерное, и кончает словами: „Французский народ прошел через все степени ци-

²³ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 70.